

В той же Лаврентьевской летописи под 1216 г. помещена характеристика ростовского епископа Пахомия, также построенная из сочетания (правда, в иной последовательности) тех же традиционных формул: «Съ бѣ блаженный епископъ . . . истинный бѣ пастырь, а не наймникъ . . . преходя от дѣла въ дѣло уншее, сиротами добрѣ пекыся, милостивъ зѣло къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому . . . смѣренъ, кротокъ . . . всѣми дѣлы утѣшая печалныя» (стлб. 439).

Еще пример. В Повести временных лет содержится следующая запись о смерти Изяслава Владимировича: «Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславъ, сынъ Володимеръ» (стр. 88). Такая же краткая справка содержится и в других летописях. Однако в Никоновской летописи, кроме этого, есть некрологическая характеристика: «. . . бысть же сий князь тихъ, и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ, и любя зѣло и почитая священнический чинъ и иноческий, и прилежаще прочитанию божественных писаний, и отвращаяся отъ суетных глумлений, и слезенъ, и умилень, и долгогрѣпъливъ».⁴⁹

Одним из доказательств, что некрологическая характеристика Никоновской летописи — лишь «украшение» древней краткой записи, служит то, что все элементы этой характеристики — широко распространенные традиционные формулы. Интересно отметить, что, например, эпитет «долгогерпелив» мы часто встречаем в составе и других распространений Никоновской летописи.⁵⁰ Более сложно определить «литературный вымысел», если он оригинален, единичен, не составлен из общих мест, устойчивых словосочетаний. Примером такого вымысла, вероятно, является сообщение Повести временных лет о подробностях бегства Святополка, одержимого манией преследования (ПВЛ, стр. 98), в котором можно видеть «конкретизацию» известной библейской формулы: «и побѣгнете никому же гонящу васъ» (Левит, XXV, 17). Аналогичный пример — рассказ половецких (I) пленников о небесной помощи русским воинам: «Како можемъ битися с вами, а друзии въздоху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?» (ПВЛ, стр. 192).

Таким образом, очень важно уметь отличать литературные построения от описаний действительных фактов. Это лишний раз говорит о необходимости изучения устойчивых литературных формул, создания указателей таких формул, составленных на материале большого числа литературных памятников.

Несколько слов о литературном этикете в связи с проблемой эстетической ценности древнерусской литературы. Литературный этикет средневековья, на наш взгляд, явление эстетическое, он является одной из тех условностей, без которых не существует и не может существовать ни одно искусство. Следование канонам литературного этикета на известной стадии развития древнерусской литературы не уменьшало ее художественной ценности, напротив, оно указывало на наличие определенных эстетических запросов у древнерусских читателей и книжников. Летописец или агиограф прибегал к традиционным формулам не потому, что этим «облегчал» свою работу, избавляя себя от необходимости подыскивать «нужные» слова или выбирать композиционные приемы в описаниях, а потому, что стремился «упорядочить» свое изложение, привести его в соответствие с миропонима-

⁴⁹ ПСРА, т. IX. СПб., 1862, стр. 68.

⁵⁰ Там же, стр. 79, стр. 107 и др.